

Осторожно! Описание насилия над ребенком!

«Я надеюсь, что твой голос услышит как можно больше людей».

Это вовсе не был первый раз, когда Шень Янь услышал, как кто-то говорит такое.

Но из всех этих людей Ци Цзин был единственным, кто сказал это настоящему «Шень Яню».

Дневник в его руках не был сценарием, и он не играл никакую роль. Все это было тем, что он писал, ничего не скрывая, – и это была самая искренняя часть его души.

Но тем не менее, Ци Цзин по-прежнему говорил, что ждет от него...

Голос Шень Яня замер. Не потому, что ему нечего было сказать, но потому, что на миг его голосовые связки потеряли всю свою силу. Он будто бы задохнулся.

Его кисть слегка сжалась на следах, оставленных царапающими пальцами Ци Цзина. Постепенно его хватка становилась все сильнее и сильнее.

Может быть потому, что сжать только один палец – это выглядело смешно, а может потому, что Шень Янь прикладывал чуть больше силы, и это было немножко больно, но Ци Цзин инстинктивно слегка морщил брови, прежде чем улыбнуться.

Он уже собирался что-то сказать, как его улыбка вдруг застыла в тот момент, когда их глаза встретились.

Из-за того, что свет горел позади Шень Яня, он отбрасывал тень, в которой было трудно определить выражение лица. Ци Цзин только знал, что брови Шень Яня сошлись вместе, а глаза опустились, будто бы тот что-то пытался перетерпеть.

Глаза у него больше не блестели. Они были глубокими и черными, словно морская пучина, куда не проникал солнечный свет, – такие глубокие, что дна было не видно, и неведомая сила останавливала любого, кто желал бы в них нырнуть.

– Что случилось? – в сознании Ци Цзина на момент произошло короткое замыкание – когда он наконец-то пришел в себя, то поскреб пальцем центр ладони Шень Яня и снова нежно улыбнулся.

Несмотря на то, что Шень Янь ничего не сказал, Ци Цзин все еще мог уловить едва заметную

перемену его настроения.

И эта перемена была не к лучшему.

- Шень Янь? - ощущая непонятное беспокойство, Ци Цзин окликнул его еще раз и приподнялся, чтобы сесть. В этот момент Шень Янь наконец-то отреагировал, молча прижав его назад к подушке.

- Ладно, на сегодня хватит чтения. Тебе нужно поскорее уснуть, - Шень Янь закрыл дневник и наклонился к нему, говоря эти слова тихим голосом.

Из-за того, что Шень Янь подвинулся, угол, под которым на него падал свет, изменился, и Ци Цзин наконец-то сумел втихую увидеть половину его лица.

В нем не было ничего необычного. Он по-прежнему казался таким же мягким и тихим, как и всегда. Тьма в его глазах походила на поверхность океана - свет отражался в них, как звезды отражаются в волнах, делая море чуть менее мрачным.

К тому времени была уже поздняя ночь: неважно, насколько Ци Цзин тосковал по голосу Шень Яня, он все равно не должен был требовать, чтобы тот пожертвовал своим отдыхом ради него.

- Тогда ладно, я почитаю его завтра, - сказал Ци Цзин с улыбкой и кивнул.

Шень Янь закрыл дневник, не говоря ни слова, и положил его рядом с подушкой. Он не спешил встать и уйти; он долго молча смотрел на Ци Цзина. Только спустя время его хватка разжалась, позволив теплу их рук разделиться.

- Засыпай поскорее. Я погашу тебе свет, - мягко попросил он.

Он поднялся с кровати, подошел к торшеру и выключил его, погрузив комнату во тьму. Только слабый свет пробивался из гостиной через щель под дверью. Ци Цзин сощурился: ему потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте. Когда он снова открыл глаза, то увидел силуэт человека, все еще стоявшего у стены.

Будто бы он не хотел уходить.

Если быть честным, то Ци Цзин тоже не хотел его отпускать. Когда Ци Цзин заставил Шень Яня читать ему свой дневник, он хотел не только слушать его голос, для него важнее было провести с ним вместе еще немного времени.

Им еще предстояло вместе пройти долгий путь, но сегодня человек, по которому он тосковал, стал не просто фотографией в галерее телефона или картинкой в его памяти - его можно было

услышать, его можно было коснуться, Ци Цзин даже ощутил его объятия. Он был настолько теплым, что вызывал привыкание, и Ци Цзин жадно стремился к нему, как наркоман.

В последнее время он пережил слишком много горечи, поэтому хотел сладкого даже больше, чем обычно.

- Что случилось? Ты не хочешь уходить? - лучшим способом скрыть свои собственные мысли всегда было бросить вопрос собеседнику.

Шень Янь не ответил, но и не двинулся с места.

- Мы запросто сможем спать вместе, эта кровать достаточно широкая, - Ци Цзин сузил глаза, превратив их в два полумесяца, словно томный кот, умышленно дразня Шень Яня.

У Ци Цзина была дурная привычка: даже если он знал, что вогнал собеседника в ступор своим вопросом, то не мог удержаться, чтобы не подразнить еще немного. Шень Янь точно в любом случае не смог бы ответить на это.

Как и ожидалось, Шень Янь не отреагировал.

Похоже, что в этот раз я слишком далеко зашел. Усмехнувшись, Ци Цзин решил избавить Шень Яня от страданий.

- Я просто шучу. Тебе тоже следует поскорей идти отдыхать. Спокойной ночи.

Но в этот момент Шень Янь вышел из тени и медленно пошел обратно к кровати.

Ци Цзин мог бы подумать, что Шень Янь вернулся для того, чтобы пожелать спокойной ночи - мог бы, если бы тот внезапно не наклонился, оперевшись руками по обе стороны от его подушки.

Почувствовав, как подушка опускается, Ци Цзин так испугался, что инстинктивно начал приподниматься, быстро хватая ртом воздух.

Вдох был очень легким, настолько, что, если бы другой человек не находился так близко, он не смог бы его уловить.

Но Шень Янь был слишком близко, так, что Ци Цзин даже при слабом свете мог разглядеть очертания его лица. Расстояние между ними все сокращалось и сокращалось, сантиметр за сантиметром, пока их дыхание не слилось воедино. Выдох Шень Яня прошелся по коже Ци Цзина, пощекотав ее - он даже чувствовал тепло воздуха.

Ци Цзин откинулся назад и неосознанно согнул колени - все его тело сжалось. Подушка продавилась еще больше, а эти две руки по-прежнему твердо упирались по обеим ее сторонам.

Лампа была уже выключена. Их полностью окутала тьма. Он лежал на кровати и руки человека над ним прижимались по сторонам его шеи. Это было положение, из которого он не мог вырваться и сбежать.

- Шень Янь... - перепуганный, он хрипло окликнул этого человека по имени, не осмеливаясь даже моргнуть.

Слышал ли это человек, нависший над Ци Цзином, или нет - в любом случае он не двинулся с места.

- Шень Янь... - Ци Цзин в конце концов потерял рассудок, осознав, что тот мог серьезно отнестись к его шутке, и сказал дрожащим голосом. - Я сейчас просто пошутил.

Скорей можно было признать, что он не застенялся, а испугался.

Они оба были совершеннолетними, уже взрослыми мужчинами. Он солгал, если бы сказал, что никогда не думал о том, что во время пребывания под одной крышей их отношения не будут развиваться дальше.

Но с учетом его сломанной руки, спать вместе в первую же ночь, да еще и вероятностью некоторых других «действий»... Такое превосходило все ожидания Ци Цзина, и он, конечно же, не мог принять это как должное.

Видя, что Шень Янь нисколько не двигается, Ци Цзин не выдержал, вытащил руку из-под одеяла и слегка его толкнул.

Его пальцы прижались к груди Шень Яня - и это был очевидный жест сопротивления. Может быть из-за того, что Ци Цзин был слишком напряжен, рука у него никак не могла перестать дрожать.

Человек над ним наконец-то пошевелился, и Ци Цзин затаил дыхание на секунду - он больше не мог слушать звук собственных вдохов и выдохов.

Мгновение спустя тяжесть, давившая на его руку, уменьшилась, оставив его напрасный жест сопротивления висеть в воздухе - похоже, что грудь Шень Яня отодвинулась.

- Я знаю, - этот низкий хриплый голос послышался в темноте. Казалось, в нем можно было уловить следы вымученной улыбки. - Я знаю, что ты пошутил... Не пугайся, не бойся меня.

Сказав это, Шень Янь убрал одну руку от подушки и сдвинул ее так, чтобы мягко коснуться волос у края лица Ци Цзина. Повернув руку тыльной стороной ладони к Ци Цзину, он переплел в пальцах несколько прядей волос, поглаживая, перебирая и осторожно утешая его.

Ци Цзин в конце концов отдернул руку, надолго застывшую на месте.

- Спокойной ночи, - увидев, что он спрятал руку под одеяло, Шень Янь немного опустил глаза и тихо попрощался. Улыбка у него была почему-то унылой.

Они впервые пожелали друг другу спокойной ночи не по разные стороны интернета, и это должно было стать приятным воспоминанием - но из-за него теперь это воспоминание было испорчено.

Шень Янь убрал руки, позволяя Ци Цзину спокойно улечься, сделал два шага назад и постоял там пару секунд, на расстоянии, чтобы другой человек почувствовал себя в безопасности. Потом он обошел кровать, стараясь держаться как можно дальше от нее и направился к двери.

Шень Янь вышел из спальни, тихо прикрыв за собой дверь. Услышав, как дверь закрылась за ним со щелчком, он оторвал от нее руку и беспомощно поднес ее ко лбу.

Он правда не собирался принуждать Ци Цзина делать что-нибудь прямо сейчас, не говоря уже о том, чтобы лечь в одну постель, как тот предлагал; в конце концов, он же пообещал, что подождет... до того дня, когда Ци Цзин даст свое согласие.

Но несмотря на все это, когда он услышал подначивающие слова, которые сказал Ци Цзин, в его сердце поднялась волна. Ци Цзин продолжал и продолжал его дразнить, и как раз тогда, когда он собирался уйти, у него появилась мысль поцеловать этого человека. Он хотел поцеловать его в лоб - не более того.

Однако, как доказала реальность, нарушение обещаний просто не было... Он почти заставил Ци Цзина оттолкнуть себя, правда?

Как только он вспомнил об этом, его охватил запоздалый страх, и руки у него похолодели.

Шень Янь несколько раз молча потряс головой, чтобы успокоиться. Он выключил свет в гостиной и вернулся в кабинет. Зайдя в комнату, он тихо просидел в кресле еще минут пятнадцать, а затем в конце концов лег в постель, даже не раздеваясь.

Кровать в кабинете была очень тесной. Повернуться было негде, поэтому он лежал на спине и молча смотрел в пустой потолок.

В этот ночной час все вокруг успокоилось и затихло, и далекие уличные фонари стали единственным источником света в глубине ночи. Несмотря на стену, фонари заливали своим тусклым светом комнату, но, к сожалению, белый потолок кабинета все равно стал серым в ночной темноте.

Серый – это цвет снов. Это происходит потому, что воспоминания в сознании человека постепенно становятся черно-белыми, а когда их фрагменты переплетаются между собой, все окрашивается в серый цвет.

А большинство снов слагается из воспоминаний.

Он не понял, когда именно заснул, и когда к нему пришел этот сон.

Это был сон, который не снился ему уже очень давно. В этом сне он стал невидимкой, всего лишь простым объективом камеры, которая фиксировала все, что находилось у него перед глазами, в том числе и съемную квартиру, запечатанную в глубинах его памяти.

Железные двери, покрытые ржавчиной, весь день были плотно закрыты.

Эти двери открывались только утром, в полдень и вечером, тогда, когда жильцы уходили на работу и возвращались с нее, а еще во время обеденного перерыва.

На их дверь был наклеен перевернутый «символ удачи» – по дешевке купленный в уличном ларьке в прошлом году и грубо сделанный – к лету он уже начал терять цвет. Он выглядел старым и затертым, края скотча уже отклеились, скрутившись в трубочку на листе железа.

Это он приклеил символ на скотч. В то время он был еще слишком маленьким и не знал, как сделать символ красивым или симметричным. Он просто сидел на полу и криво лепил липкую ленту слева и справа. Но, по крайней мере, у него была липкая лента. На дверь же символ наклеила женщина, которая присела перед ним и наблюдала, как он возился со скотчем. Сначала она слабо улыбалась, но, когда он подполз поближе, чтобы выйти и придержать иероглиф вместе с ней, ее улыбка исчезла.

- Шень Янь, – женщина опять присела на корточки и прижала палец к губам, делая шикающий жест, – Молчи, ничего не говори.

Он посмотрел на мрачное лицо женщины и кивнул, молча подавшись назад и схватив оставшуюся липкую ленту, чтобы поиграть.

Женщина не двинулась с места и продолжила:

- Вернись в комнату и поиграй там, а не то тебя кто-нибудь увидит, пока дверь будет открыта.

Он еще раз кивнул, убрал скотч и маленькие ножницы, сложив их в пластиковую коробку. Взял коробку в руки и пошел назад в спальню, не забыв медленно прикрыть за собой дверь.

Съемная квартира состояла из одной спальни и одной гостиной, была очень простой и скудно обставленной, но все же они могли там жить своей скромной жизнью.

Женщина не водила его в детский сад. Каждый день она вставала, в спешке готовила завтрак и уходила на работу. У нее не было времени, чтобы убедиться, что он закончил есть. В полдень, во время обеденного перерыва, она возвращалась на полчаса, чтобы приготовить обед и немного отдохнуть. Потом днем она уходила и возвращалась только вечером.

Пока ее не было, он сам шел к шкафу, чтобы найти свои кубики и построить что-нибудь, достать пластилин и слепить что-нибудь, или выбрать и медленно прочесть детскую книгу, которую женщина купила для него. Хоть он и не ходил в детский сад, но по вечерам она учила его читать и писать – спустя долгое время он научился читать эти книги сам, чтобы пережить бесконечные утра и дни.

Телефон в этой квартире звонил редко, но иногда начинал беспрерывно трезвонить. В такие моменты женщина садилась рядом с аппаратом, пристально уставившись на трубку, но отказываясь отвечать на звонок.

Но даже если она и отвечала, то всегда предупреждала его перед тем, как взять трубку:

- Шень Янь, молчи, ничего не говори.

Он кивал головой и уходил за угол, чтобы почитать свои книжки с картинками.

Молчи, ничего не говори.

Именно этим женщина постоянно промывала ему мозги. Свыкнувшись с психологической установкой, он мог только тихо смотреть, что происходит, даже если женщина подолгу сидела в кресле в одиночестве и плакала, послушав, что ей говорили по телефону.

Он хорошо знал, что женщина сильно ударит его линейкой по ладони, если он заговорит без разрешения. Ему не разрешалось плакать, даже если было очень больно.

Как-то раз он заплакал. Плакал он, возможно, слишком громко, чтобы звук рыданий остался только в стенах квартиры, и его случайно услышали соседи. Потом пожилая супружеская пара, жившая рядом, приготовила домашние цзунцзы на праздник Драконьих Лодок, собираясь угостить ими всех соседей. Когда наступила их очередь принимать посетителей, женщина приказала ему быстро спрятаться в комнате, убрала все детские игрушки из гостиной и только после этого открыла дверь.

Он сидел за дверью в комнате, в полном одиночестве, не решаясь пошевелиться хоть чуть-чуть. Он слушал, как женщина, стоя у двери, обменивалась вежливыми приветствиями и болтала с пожилой парой, изо всех сил стараясь не издавать ни звука.

- Правильно, у тебя есть ребенок? - вдруг с любопытством спросила тетушка.

- Нет, я не замужем, - коротко ответила женщина, но в ее голосе был слышен невнятный отголосок страха.

- Верно, ты же еще так молода, - тетушка сделала комплимент из вежливости.

- А? Но я помню, что слышал раньше, как тут плачет ребенок... Может быть, это было в другой квартире, не в вашей? - ее муж продолжал поднимать эту тему, улыбаясь. Однако тон, которым они говорили, был беззаботным, и они не показали никакого желания заняться этой проблемой всерьез.

- Может быть, вы не так расслышали? - женщина натянуто улыбнулась.

Эта история закончилась тем, что он перенес самые ужасные побои, которые только мог вспомнить.

Женщина заткнула ему рот полотенцем, чтобы плач и крики не встревожили соседей, а затем избивала палкой от метелки для пыли так, что у него треснула кожа и потекла, не останавливаясь, кровь.

- Нельзя плакать! Нельзя шуметь! Сегодня соседи нас чуть не разоблачили! - женщина сердито ругала его приглушенным голосом.

Он с силой закусил полотенце, не в силах сопротивляться, только удерживал слезы и машинально кивал.

- Будешь еще так делать?! - прошипела она.

Вероятно, женщина выбилась из сил, избивая его. Она рухнула на край кровати, глядя на него с мрачным выражением. Ее макияж наполовину размазался, и так она выглядела как несчастное, но жестокое привидение. Он сам, без помощи, поднялся с пола и похромал к кровати, преодолевая боль. Он зарылся головой в одеяло, чтобы выплакаться и вытереть тканью слезы, заливавшие лицо. Женщина отбросила метелку для пыли, обняла его и начала захлебываться рыданиями.

- Шень Янь... Тебе надо простить мамочку, - женщина повторяла эти слова как заезженная пластинка. - Если тебя обнаружат, это никому не пойдет на пользу. Понимаешь?

На его лице не отражалось никакого выражения, он неподвижно лежал как деревяшка в ее руках.

- Одним словом, помни, что все будет хорошо, пока ты молчишь. Не давай им услышать себя, - непрерывное бормотание этой женщины звучало у него в ушах как проклятие.

Все хорошо, до тех пор, пока я молчу. Я понял.

Даже если бы он захотел что-то сказать, никто не стал бы его слушать.

[Прим.англ.пер.:

Символ удачи - 福 (fú) - иероглиф, который наклеивают на входную дверь во время китайского нового года вместе с весенними стихами, чтобы он принес в дом благополучие. Обычно его закрепляют в перевернутом виде, получается '𠃉' (перевернутая удача), что звучит похоже на '𠃉' (fú dào) - «Благословение сошло на этот дом».

Цзунцзы - традиционная закуска из клейкого риса, приготовленного на пару и завернутого в листья бамбука. Подается во время праздника драконьих лодок.

Праздник Драконьих Лодок возник в период Сражающихся Царств, когда поэт-патриот Цюй Юань утонул в реке Мило на пятый день пятого лунного месяца. Местные жители поплыли на лодках, чтобы найти его тело и бросали в воду комки риса, чтобы рыбы не съели тело Цюй Юаня. Этот обряд существует и сегодня.]

<http://bllate.org/book/13906/1225576>